

Мачтет Григорий Александрович

**Полное собрание сочинений
Г. А. Мачтета. С портретом
автора под редакцией и с
критико-биографическим
очерком Д. П. Сильчевского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Г83

Г83

Григорий Александрович М.

Полное собрание сочинений Г. А. Мачтета. С портретом автора под редакцией и с критико-биографическим очерком Д. П. Сильчевского / Мачтет Григорий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 283 с.

ISBN 978-5-519-95813-4

ISBN 978-5-519-95813-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ американской жизни.

„Два міра“¹.

Разсказъ.

¹ Помѣщенный въ I томѣ разсказъ „Предъ американскимъ судомъ“ является вариантомъ первой части настоящаго разсказа. *Ред.*

I.

... Мы тянули компаніей вино и по обыкновенію ныли... Пили мы вино зря, какъ-то механически, точно по обязанности, — нельзя же не пить, сидя вечеркомъ цѣлой компаніей въ садикѣ загороднаго ресторана, — ныли потому, что давно уже ничего другого не умѣли и не знали. Всѣ эти столичные слухи, толки, сутолока, истомили насъ давнымъ давно, а безалаберная жизнь «со дня на день», безъ ясной цѣли, безъ живого дѣла, если не считать скучно-томительныхъ часовъ обязательной службы «для жалованья», — столичная жизнь, то и дѣло, казалось, убѣждавшая насъ въ нашей бесполезности и никому ненужности, ничѣмъ другимъ кромѣ нытья надѣлать насъ и не могла. Пили мы и ныли, ныли и пили... Разговоръ не клеился и ограничивался изрѣдка передаваемыми то тѣмъ, то другимъ слухами и происшествіями дня, какъ нарочно, все только мрачнаго свойства; въ нашемъ настроеніи другихъ мы и подобрать не могли. Наше «веселье» скорѣе всего походило на тризну, скучную, томительную; наши толки отдавали чѣмъ-то похороннымъ... Мы, столичные люди, подточенные рефлексіей, вообще какъ-то особенно склонны не то къ самобичеванію, не то къ ироніи надъ собой съ

подкладкой желчнаго пессимизма, очень смахивающаго на пресыщенность и усталость; въ этотъ же вечеръ нашъ небольшой, случайно собравшійся кружокъ былъ особенно въ ударѣ. Нервы ли особенно расходились, желчи ли накопилось слишкомъ много, — только мы перебрали все, нигдѣ, ни на чемъ, кажется, живого мѣстечка не оставили, надъ всѣмъ поглумились досыта, съ какою-то странною, затаенною радостью бередея свои больные нервы. Наконецъ всѣмъ начало становиться просто тошно...

Тотъ изъ насъ, что все время упорно читалъ газету, какъ бы избѣгая нашего нытья, нашъ новый знакомый, на нѣсколько дней попавшій въ столицу, — не выдержалъ и поднялъ голову отъ своей газеты.

— Господа... — почти укоризненно протянулъ онъ, — господа! что вы это?... Хоронить себя вздумали, что ли?

— А что? — ѣдко обернулся къ нему сосѣдъ, — не свадьбу ли играть прикажете?.. Подблюдныя пѣсни пѣть?..

— Ни свадьбу играть, ни пѣсенъ подблюдныхъ не нужно, — но и хоронить-то себя зачѣмъ?.. — возразилъ тотъ. — Жизнь не исчерпывается же однѣми этими гадостями, о которыхъ вы вотъ уже часть ноете...

— Ноете! — обидѣлся сосѣдъ, — ишь оптимистъ какой!.. Не слыхали развѣ, не читали?! — И онъ желчно ткнулъ въ газету, сообщившую очень некрасивую новость.

— Слыхалъ и читалъ... — обидѣлся въ свою очередь первый на слово «оптимистъ»: оно, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ обидное у насъ слово! — читаль-съ! Такъ что же изъ этого слѣдуетъ? За

этиmi слухами, толками, происшествіями не слѣдуетъ забывать о жизни. Изъ-за нихъ нужно все-таки помнить *человѣка*, «міръ», какъ говоритъ деревня.

— «Міръ»! — подхватилъ ѣдко спорившій, — «міръ», который спалилъ колдунью . . . Ха, ха, ха! . .

— Или, какъ, вонъ, въ культурной Америкѣ, — крадетъ напропалую! . . Читали? — подхватилъ другой.

«Оптимистъ» завертѣлся отъ волненія.

— И колдунью палить, и крадетъ напропалую . . . — заговорилъ онъ спѣша, какъ бы боясь, что ему помѣшаютъ договорить, — это все такъ-съ . . . бываетъ. Но опять-таки не въ этомъ сила . . . Тамъ и тепло, и правда, и любовь, и много другого чего хорошаго есть, — вотъ чего забывать не слѣдуетъ, чтобы не ныть. Да вотъ, — что долго говорить! — хотите, расскажу вамъ случай изъ моей жизни среди промышленныхъ культурныхъ «янки», которые, по-вашему, только крадутъ напропалую? . . Я вѣдь самъ, было одно время, видѣлъ въ немъ только черстваго мошенника-промышленника. А послѣ и о другомъ «мірѣ» расскажу, который колдунью палить . . . Хотите?

Вмѣсто отвѣта, мы всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ нетерпѣливо сдвинули наши стулья. Тихая, теплая ночь спускалась уже на землю, зажигая одна за другой блѣдныя, мигавшія звѣзды въ потемнѣвшемъ небѣ. Кругомъ было тихо и какъ-то особенно хорошо и покойно . . . Намъ всѣмъ какъ-то вдругъ захотѣлось такого покоя, захотѣлось отдохнуть хоть на чемъ-нибудь отъ нашего нытья и боли.

— Расскажите, расскажите! . .

Мой сосѣдъ наполнилъ стаканы. «Оптимистъ» всталъ, прошелся въ волненіи и началъ свой разсказъ.

II.

— «Это было уже довольно давно, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ... Вы помните еще это время — свѣтлое, полное идеаловъ, полное хорошаго, какъ юность, оптимизма, — когда всѣмъ вѣрилось и жилось такъ лихорадочно хорошо... Намъ было четверо. Мы были молоды, сильны, здоровы и, главное, полны той всеобъемлющей, безкорыстной любовью къ тому неопредѣленному и неясному и въ то же время какъ бы опредѣленному и ясному, что укладывается въ понятіе «человѣчество», — любовью, характеризовавшей вообще тогдашнюю юность. Это была какая-то пантеистическая любовь, если можно такъ выразиться, любовь, разлитая всюду, безъ границъ и причины, — не искусственно вызванная, но органическая, какъ бы врожденная. Самихъ себя для насъ не существовало... Мы видѣли, понимали, признавали только одно, внѣ насъ стоящее, «оно», — человѣчество, міръ, что ли, — чудное, прелестное, святое въ своемъ общемъ, — нечудное, непрелестное въ своихъ частностяхъ, — «оно», къ которому мы тяготѣли, которому всецѣло посвящали и отдавали себя, все свое «я». Каждая женщина казалась намъ сестрой, каждый мужчина — братомъ. Враги!? — Да, у насъ были и враги, но если, по Дарвину, «ползущее пресмыкающееся» могло съ перемѣной условій обстановки превратиться въ «летающее», если гадъ могъ превратиться въ птицу, то еще легче, казалось намъ, было изъ врага сдѣлать друга, изъ чело-

вѣка тупого, хищнаго, злого, сдѣлать *настоящаго* человѣка . . . Мы были чище слезы тогда, чище той росинки, что играетъ на солнцѣ ярче алмаза; мы любили тогда, мы вѣрили, — словомъ, мы были молоды тогда и молоды именно по-тогдашнему.

«Но ядъ зарождавшася уже и тогда пессимизма, гной безвѣрія, холодъ нытья пахнули было и на насъ заразой. Конечно, зараза не совладала съ молодостью, ея энергіей, ея любовью, ея вѣрой, ея живучей силой, — все это осталось при насъ, какъ и было, но ядовитое прикосновеніе ея все-таки не прошло безслѣдно. Впустивъ незамѣтно свое страшное, невидимое жало, она влила въ наши сердца по капелькѣ своего яда, и этихъ капелекъ было достаточно, чтобы спутать въ насъ все, поднять въ душахъ цѣлыя бури, погнать насъ, такъ любившихъ и свои бѣдныя хаты, и свои дебри, и глухія поля, чертъ знаетъ куда, за океанъ, въ Соединенные Штаты, въ чуждыя, незнакомыя страны — искать новыхъ условій жизни, искать мѣстъ, куда бы приложить все свое молодое! . . . Этотъ ядъ шепталъ намъ ядовитыя мысли, онъ отравилъ насъ представленіемъ, что мы здѣсь, на родинѣ, у себя чужды всему, ни съ чѣмъ не связаны, никому не нужны, что мы, все наше духовное «я» — искусственное созданіе западно-европейской книжки . . . Идите же туда, куда бѣгутъ всѣ обездоленные въ Европѣ, — шепталъ онъ намъ, — и мы пошли . . . Намъ было больно, намъ стоило это много борьбы, — но мы все-таки пошли, потому что тогда мы знали только: да-да и нѣтъ-нѣтъ. Чужая страна? . . . Чужой, неизвѣстный намъ совсѣмъ языкъ!? Необходимость физическаго труда, о которомъ мы и понятія не имѣли!? Пустяки! . . . есть надъ чѣмъ за-

думываться! И мы не задумывались, мы пошли. Это была, конечно, молодая дерзость, за нее мы поплатились жестоко, грубо, — но, ей Богу, и теперь, теперь вотъ, когда у меня нѣтъ нетронутаго мѣста, нетянutoй жилы, когда все ноетъ, все болитъ, — и теперь я радъ о ней вспомнить! . .».

Разсказчикъ вздохнулъ, поправилъ сбившіеся на лбу волосы и замолчалъ. Сосѣдъ, до того ѣдко спорившій съ нимъ, подвинулъ ему какъ-то особенно любовно полный стаканъ и сказалъ: «ну-ка!» Тотъ хлебнулъ и продолжалъ:

— Итакъ, мы поплыли за океанъ, въ «обѣтованную землю», — въ розовую Аркадію, какъ мы думали, — уложились мы, конечно, въ пять минутъ, потому что и укладывать-то было собственно нечего, — искать новыхъ мѣстъ, куда бы приложить свои силы и потребность самоотреченія. Все пойдетъ какъ по маслу, — о, въ этомъ мы были больше чѣмъ увѣрены! . . Впрочемъ, въ послѣднемъ мы разочаровались быстро, даже черезчуръ быстро, сразу, почти моментально, какъ только коснулись берега, какъ только «промышленный янки», у котораго мы нанимались на работу, сталъ щупать, точно у лошади наши мускулы, — когда стало очевиднымъ, что однѣхъ розовыхъ платоничностей для «приложенія своихъ силъ въ новомъ мѣстѣ» мало, а нужно еще «умѣть» ихъ прилагать, — когда мы очутились безъ всего: безъ угла, безъ хлѣба, съ перспективой голодной смерти впереди, — потому что, какъ оказалось, мы не только не умѣли говорить на новомъ языкѣ, но и не умѣли ничего дѣлать. О, этотъ розовый угаръ прошелъ быстро, слишкомъ быстро! . . Намъ отказывали вездѣ, потому что своимъ неумѣньемъ мы задерживали дру-